

во всем описываемом эпизоде систематическое подчеркивание роли дьяка И. М. Висковатого. Есть ли какое-либо более конкретное указание в тексте приписки на возможность считать его автором? Представляется более чем правдоподобным, что такое указание находится в знаменитой характеристике Сильвестра.

Весь текст приписки под 1553 г. (как и все другие дополнения и исправления — около сотни — в лицевых сводах Грозного) написан в деловом тоне: события, имена, конкретные детали, отсутствие в стиле элементов типичного для царя «скрещивания книжного и обиходного средств языка».¹⁰⁰ В приписке 1553 г. «языковая ткань» как бы состоит из трех частей. В начале приписки общая часть, сходная по характеру с общим тоном, принятым в официальных летописях при описании русских побед: упоминание «скверного жилища» Казани и даже, мимоходом, Астрахани трафаретно и, видимо, поставлено для того, чтобы связать приписку с предыдущими описаниями казанской победы. Вторая часть — изложение действительных событий предмета приписки, где комбинируется сжатый стиль делового описания и прямая речь, на которой более всего заметно, что писал очевидец и как бы третье лицо, некий наблюдатель: не царь и не кто-то из тех, чьи речи при их выступлениях записаны Третья, небольшая часть, «вклинивающаяся в рассказ о присяге», как отметил С. В. Бахрушин, есть именно характеристика Сильвестра, обнаруживающая эмоциональную взволнованность автора, его нелюбовь к Сильвестру, который изображен в этой части приписки как всесильный временщик, диктующий свою волю всем в Москве. Приведем текст полностью: «В та же времена бысть у Благовещения, у церкви, еже на сенех у царьского двора, некий священник, зовомый Селивестр, родом ноугородец. Бысть же сей священник Селиверст у государя в великом жаловании и совете в духовном и думном, и бысть яко всемогий, вся его послушаху и никтоже смеяше ни в чем же противитися ему, ради царского жалования; указываше бо и митрополиту, и владыкам, и архимандритом, и игуменом, и чернцем, и попом, и бояром и диаком, и приказным людям и воеводам, и детем боярским, и всяким людям. И, спроста реши, всякия дела и власти святительския и царския правяше, и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его велению; и всеми владаше обема властьюми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель, точию имяни и образа и седалища не имяше святительского и царского, но поповское имяше; но токмо чтим добре всеми и владеяше всем с своими советники. Бысть же сей Селивестр советен и в велицей любви бысть у князя Владимира Ондреевича и у матери его княгини Ефросийнии; его бо промыслом и из нятства выпущены».

Заметим, что, за исключением конца данного текста, который, как выше уже говорилось, несколько преувеличил роль Сильвестра в освобождении Старицких в 1540 г., весь он — в противовес остальному содержанию приписки под 1553 г. — не конкретен: это широкое эмоциональное обобщение о деятельности Сильвестра в Москве. Более того, вся история, рассказанная перед этой характеристикой и после нее, как бы противоречит мысли о «всесильности» Сильвестра. Мы не знаем, как он реагировал на «жестокое слово» царя, но видим, что его сочувствие кандидатуре Старицкого наследники Ивана IV решительно не помогло князю Владимиру. Поскольку, как было выше показано, основные положения всей приписки не соответствуют взглядам Грозного, естественно думать, что и характеристику Сильвестра писал кто-то другой, имевший основания крайне не любить

¹⁰⁰ С. О. Шмидт. Заметки о языке посланий Ивана Грозного — ТОДРЛ, т. XIV М.—Л., 1958, стр. 256